

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-122-128

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА НАЧАЛА ХХ ВЕКА В РОМАНЕ В. ЯЗВИЦКОГО «ИЗ КНИГИ БЫТИЯ» (1916)

© Айрат Бик-Булатов

AUTOBIOGRAPHICAL EPISODES FROM THE LIFE OF A KAZAN JOURNALIST IN THE EARLY 20TH CENTURY IN V. YAZVITSKY'S NOVEL "FROM THE BOOK OF GENESIS" (1916)

Airat Bik-Bulatov

This article analyzes autobiographical motifs in the novel "From the Book of Genesis" (1916) by the renowned Russian and Soviet writer V. Yazvitsky, the theme dating back to his time as a journalist for Kazan periodicals (1903–1905). Kazan-related themes from Yazvitsky's prose are examined within the context of the "Kazan text", a particular case of the "urban text", which has become a significant research topic in modern literary studies. The article identifies typical features and elements of the "Kazan text" of the early 20th century in Yazvitsky's works. V. Yazvitsky's autobiographical stories are interpreted in the context of the history of the Kazan press, the history of the Kazan Russian literary environment, and the history of Marxist societies in Kazan in 1905. Moreover, V. Yazvitsky's literary texts contain interesting data that convey the atmosphere and mood of the first Marxist societies and left-wing newspaper editorial offices, although they have never before been used in research on the history of Kazan Marxist societies and early Marxist journalism.

Keywords: V. Yazvitsky, novel "From the Book of Genesis" (1916), Kazan press, Kazan text, autobiography

В статье анализируются обнаруженные autobiographical мотивы в романе известного российского и советского писателя В. Язвицкого «Из книги бытия» (1916), относящиеся ко времени его работы журналистом в Казанских изданиях (1903–1905 г.). В главном герое, в котором угадываются autobiographical черты, соединяются увлечения марксизмом и революционной деятельностью. Казанские сюжеты из прозы В. Язвицкого рассматриваются в контексте проблематики «казанского текста», как частного случая «городского текста», ставшего одной из важных исследовательских тем для современного литературоведения. Выявляются типичные приметы и элементы «казанского текста» начала XX века в произведениях В. Язвицкого. Автобиографические сюжеты В. Язвицкого также осмысливаются в контексте истории казанской прессы, истории казанской русской литературной среды и истории марксистских кружков Казани 1905 года. Кроме того, художественные тексты В. Язвицкого содержат интересные данные, где передана атмосфера и настроение первых марксистских кружков и редакций газет левого толка, между тем они ни разу до этого не привлекались для исследования по истории казанских марксистских кружков и ранней марксистской журналистики.

Ключевые слова: Казанская пресса, В. Язвицкий, роман «Из книги бытия» (1916), казанский текст, автобиографизм

Для цитирования: Бик-Булатов А. Автобиографические эпизоды из жизни казанского журналиста начала XX века в романе В. Язвицкого «Из книги бытия» (1916) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 122–128. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-122-128

Валерий Ильевич Язвицкий (1883–1957) – журналист и писатель удивительной судьбы, делявшей подчас удивительные зигзаги (от участия в марксистских кружках и РСДРП, знакомства с В. Лениным, до выполнений секретных миссий

царского правительства в Болгарии и должности чиновника особых поручений в МИДе адмирала А. В. Колчака в Омске в годы Гражданской войны).

Как писатель он более всего известен своими историческими и научно-фантастическими романами. Его журналистская карьера известна не так широко, однако вполне отражает кульбиты необычной биографии В. Язвицкого. Так, в сибирской ссылке он издавал газету «Мезенский рабочий», затем (до ноября 1905 г.) был журналистом казанских оклобольшевистских газет и литературного альманаха «Муравейник». Однако через несколько лет мы уже находим В. И. Язвицкого корреспондентом болгарских и сербских изданий, заодно выполняющим функции аналитика прессы по заданию российского МИДа, далее – снова в России: В. И. Язвицкий становится теперь корреспондентом либеральных газет «Утро России» и «Русские ведомости» (одной из самых влиятельных среди либеральных изданий).

Исследователь жизни и творчества В. И. Язвицкого И. В. Объедков в статье 2015 г. [1], упомянув в качестве единственной на данный момент попытки биографии Валерия Язвицкого статью Сергановой [2], констатировал: «К столетней годовщине начала Первой мировой войны сделаны только первые шаги в научном исследовании военных страниц биографии известного русского писателя и журналиста В. И. Язвицкого. Жизненный путь этого деятеля русской культуры, несомненно, заслуживает создания полноценной научной монографии» [1, с. 26].

Наш интерес к персоне В. Язвицкого был обусловлен его участием в казанской журналистике периода Первой русской революции. Время 1905–1907 гг. – важнейшее в истории страны, а также отдельных ее частей – крупных губерний и городов, одним из которых являлась и является Казань, но в том числе этот период важен и для истории местной журналистики. Это время, когда впервые на авансцену местной политической жизни вышли политические партии и движения, причем как русские, так и татарские. Для татар особенно: 1905 г. – это год возникновения местной печати, с этого времени общественные и культурные контакты русских и татар в Казани становятся гораздо интенсивнее.

Основные работы по истории казанской журналистики 1905 г. (см. напр.: [3]) написаны еще в советское время и идеологически ангажированы, многие факты и события нуждаются в переоценке и перепроверке. Художественные тексты В. Язвицкого содержат интересные данные, передающие атмосферу и настроение первых марксистских кружков и редакций газет левого толка, между тем они ни разу до этого не привлекались для исследования по истории казанских марксистских кружков и ранней марксистской журналистики и впервые были упомянуты в этом

ключе лишь в нашей докторской диссертации [4].

Будучи казанским студентом, В. И. Язвицкий являлся секретарем местной газеты «Волжский листок», начинавшейся как либеральное издание, но вскоре перешедшее на пробольшевистские позиции. Как писатель в тот же период В. И. Язвицкий публикуется в местном альманахе «Муравейник» В. Бартоша.

Уже в это время в некоторых художественных произведениях писателя встречается казанская повестка. Так, Валерием Язвицким была написана пьеса «Болезнь духа» (1903) [5], поставленная Казанским городским театром во время гастролей В. Ф. Комиссаржевской (1903) и имевшая успех. Также к этому времени относится его пьеса «Отпетый» (о ней см.: [6]), получившая хорошие отзывы на конкурсе А. Н. Островского, но запрещенная цензурой. Пьеса рассказывает о студенческой жизни, а также содержит автобиографические казанские мотивы.

По поводу пьесы «Болезнь духа» [5] некоторые современные источники (см., напр.: [6]) ошибочно сообщают, что пьеса была посвящена несчастной судьбе татарской женщины, на самом деле в пьесе ни одного персонажа с татарским именем. Кроме одной картины, все действие пьесы происходит в типичной русской усадьбе, и речь в ней идет о судьбе несчастной, молодой, но именно русской женщины. Для исследователей так называемого «казанского текста» интерес во всей пьесе представляет лишь та картина, действие которой происходит в «крупном губернском городе» – явно Казани. От матери главной героини, дворянки, привыкшей жить в усадьбе, Казань получает весьма отрицательную аттестацию:

«Этот город опротивел мне, – чуть ни неделю живу – все не могу привыкнуть. Только и слышно: стук, грохот, шарманка еще эта заупокойную поет (реплика автора: пауза. слышно с шумом и грохотом прокатилась конка). Ох, эти конки, пропасть их возьми! (реплика автора: ходит взад-вперед, подходит к горке). А тут опять пыль, какой мерзкий народ» [5, с. 37].

Этот отрывок позволяет нам все-таки представить звуковой ландшафт Казани начала XX в. Данный термин был разработан канадским композитором и исследователем Рэймондом Шафером [7]. Звуковой ландшафт (англ. ‘soundscape’) – система звуковых элементов, которая возникает в окружающей среде. Она может сочетать в себе как природные звуки, так и воспроизведимые людьми и технологиями. На основе знакомства с текстом В. И. Язвицкого можно сделать вывод: в Казани 1900-х гг. на оживленных ули-

цах было довольно шумно, звуковую картину города того периода составляли грохот конки, пение шарманки и т. д. Казань в пьесе маркируется как город пыльный. Это весьма характерное, закрепленное в местных устойчивых мемах той поры определение города (ср. в стихотворении о Казани 1860-х гг., приписывавшемся А. П. Щапову: «Город сплетен, город пыли, город разных лихорадок» [8, с. 5]).

Тема «казанского текста» поставлена местным литературоведением. Можно здесь сослаться, например, на работу Р. Валиуллина и И. Еникеевой, включающих проблематику «казанского текста» в более широкий контекст исследований «городского текста», предпринимаемых литературоведами по всей стране. По мысли исследователей, анализ городского текста представляет собой значимую проблему современной литературоведческой науки, «так как в общекультурном поле регионального сверх текста происходит формирование современной национальной идентичности» [9, с. 11]. Обозревая научные труды по вопросу, Р. Валиуллина и И. Еникеева приходят далее к выводу, что интерес к городским текстам в отечественной науке о литературе возник уже более восьмидесяти лет назад и с тех пор был неоднократно концептуализирован, сложился в отдельное направление литературоведческих исследований, реализованное в работах многих ученых (наиболее значимые имена этой когорты исследователей и наименования их трудов по «городскому тексту» приводятся в статье названных авторов).

Изучение непосредственно «Казанского текста» (в контекст которого может быть включена как ранняя пьеса В. Язвицкого «Болезнь духа» (1903) [5], о которой мы уже упоминали, так и его роман «Из книги бытия» (1916) [10], о котором пойдет речь дальше, впервые концептуализировано в работе Г. И. Зайнуллиной «Программирующая мощь казанского текста» [11]. Литературовед «описывает семантическое пространство казанского мифа как оппозицию двух сакральных локусов, существующих в метатекстах, соответственно, русской и татарской культур» (цит. по: [9, с. 12] со ссылкой на [11, с. 217]). Г. Зайнуллина более детально расшифровывает указанные компоненты городского текста Казани и отмечает «татарские глоссы и интерференции, каламбурную этимологию татарских топонимов, экзотические артефакты и национальную кухню» (цит. по: [9, с. 12] со ссылкой на [11, с. 208–219]).

Кроме оппозиции, но и взаимодействия русского и татарского локусов, а также выделенной нами выше характеристики «пыльный город», «грязный город» – которой часто наделяли Ка-

зань писатели и публицисты XIX в., можно отметить еще тему обособленности, отделенности Казани от остальной России (долгое время не было железной дороги до города, и даже после того, как она появилась, из-за отсутствия моста через Волгу дорога до Казани из столиц была довольно затруднительной; то же касается и речного пути: речной порт – так называемое «Дальнее Устье» – отстоял от города, до которого еще нужно было добираться на лодках), это некоторым образом «островное» положение Казани соединялось в восприятии с татарским инициативным «русского города» Казани. То есть Казань – как такой отдельный, свой мир, отделенный от остальной России, несмотря на обилие русских церквей, на общее представление авторов XIX в., что Казань по прошествии веков стала-таки именно русским городом (в современный период это представление сильно пошатнулось). Тема «отдельности» Казани выходила, однако, за рамки чисто межэтнической проблематики.

Среди некоторых казанских авторов, начиная с первой трети XIX в. бытовало представление о Казани как о первом сибирском городе [4, с. 27], этому способствовало и то, что Казань в то время была столицей Казанского учебного округа, куда входила и Сибирь, и первые казанские органы прессы, выпускавшиеся при университете (газета «Казанские известия» (1811–1820), журнал «Заволжский муравей» (1832–1834)), охватывали и эти регионы.

Все выше названные черты/характеристики нашли свое отражение в различных художественных и публицистических текстах XIX начала XX в., формирующих «казанский текст» периода Российской Империи.

Анализируя казанский этап (1903–1905) биографии В. И. Язвицкого, необходимо сказать несколько слов о казанских изданиях, в которых работал писатель. Об альманахе «Муравейник» (1905) подробно рассказывает в своей монографии Г. Габдулганеева [12, с. 127–129]. Можно констатировать общую демократическую направленность этого, не только литературного (как это заявлялось в первую очередь самим «Муравейником»), но и общественного казанского органа печати альманашного типа периода Первой Русской революции.

Более системно В. Язвицкий сотрудничал в «Волжском листке», а в период его приостановки в «Волжском курьере» (см. подр.: [4, с. 343–344]). В газете «Волжский листок» сотрудничали в том числе и столичные литераторы Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, В. Я. Брюсов, А. И. Куприн, А. С. Серафимович, Ф. К. Сологуб, К. И. Чуковский и другие; среди казанских авторов были извест-

ными своими прогрессивными взглядами ученые и поэты П. Л. Драверт, А. И. Елистратов, Н. П. Загоскин, В. А. Перимов, Л. И. Пономарев, П. И. Эмдин, Н. Н. Фирсов и др.

Изучавшая историю «Волжского листка» Л. Б. Муллина отмечала: «Борьба за обладание газетой проходила в сложной внутриредакционной обстановке. Политическое размежевание между либералами и социал-демократами заставляло других сотрудников как-то определять к ним свое отношение, создавать промежуточные группы, в том числе примыкающих к большевикам. К последним можно отнести В. Язвицкого» [3, с. 42].

«Волжский листок» издавался с перерывами с октября 1904 по 1909 г. (а выходивший в 1903–1904 гг. также «Волжский листок» имел характер справочного, досугово-развлекательного и коммерческого издания, по его прекращении название «Волжский листок» использовала новая группа издателей для выпуска уже общественно-политической и литературной газеты). Инициаторами «Волжского листка» были либералы-юристы М. Б. Зельдович, С. А. Ушаков, И. И. Степанов.

Ниша, изначально зарезервированная под «Волжский листок», предполагала выпуск крупной либерал-демократической газеты (после легализации политических партий в России выразителями этого политического направления были кадеты). В Казани в системе прессы в XIX в. действовала довольно четкая структура (подробнее об этом см. в нашей диссертации: [4]), стержень которой составляла оппозиция двух главных газет, первая из которых носила лево-либеральный, интеллигентский, выражено общественный характер (с сильным влиянием идей областничества, одним из идеологов которого был и упомянутый выше знаменитый профессор оппозиционер 1860-х гг. А. П. Щапов, а в местной прессе этот тренд закрепился благодаря «Камско-Волжской газете», выходившей в начале 1870-х), а вторая газета совмещала в себе как общественные, так и коммерческие тенденции, нацеленные на массовизацию аудитории, снижение идеологического пафоса.

К началу XX в. условная «интеллигентская» ниша казанской прессы стала дробиться между несколькими изданиями (так, до появления «Волжского листка» флагманом этой ниши была газета «Волжский вестник»), а вскоре раскол случился уже внутри и самого «Волжского листка» с приходом туда публицистов социал-демократов (демократов). В конце концов им удалось превратить газету из «прокадетской» фактически в большевистскую. В. Язвицкий как

раз застал этот момент внутриредакционного раскола и примкнул, как уже говорилось, к социал-демократам.

Сама ситуация политических внутриредакционных дискуссий вкупе с общей нервозной политической обстановкой в стране в 1904 г. подталкивала молодого Валерия Язвицкого к глубоким рефлексиям на тему собственных политических взглядов, соотнесению их не только с социал-демократами, но и либералами, и либералами-областниками. Подобные рефлексии свойственны были, конечно, многим молодым казанским участникам марксистских и народнических кружков (сложившихся в Казани даже раньше фактического образования партий на их основе), но в данном случае сделались еще более интенсивными, именно польному участию Язвицкого в политической газете (а не только в сугубо литературных альманахах).

Начало XX в. – это и время модернизма, декаданса, когда впервые тема половых отношений, сексуальности начинает впервые муссироваться в литературе, иногда в довольно скандальной «обертке» (наиболее ярким выразителем этого тренда позднее станет роман «Санин» Арцыбашева). Для В. Язвицкого начало 1900-х гг. – это и время молодости, полового созревания, и свои переживания по этому поводу позже он также сделает частью общего нарратива своих художественных произведений на казанскую тему.

Нами были обнаружены автобиографические и вообще казанские мотивы в одном из более поздних романов В. Язвицкого «Из книги бытия» (1916) [10], эпизоды, относящиеся ко времени студенческой жизни и журналистской работы В. Язвицкого в Казани в 1903–1905 гг.

Роман этот был опубликован в альманахе «Стремнины» (1916), к тому времени В. И. Язвицкий давно уже порвал с большевиками и являлся сотрудником либеральных «Утра России» и «Русских ведомостей». В альманахе «Стремнины» фамилия В. И. Язвицкого появляется среди виднейших авторов серебряного века наряду с В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Ф. Сологубом, Б. Зайцевым, А. Ремизовым и другими. Роман «Из книги бытия», помещенный в альманахе, вызвал в основном отрицательные отклики, хотя отмечались и некоторые достоинства. В главном герое, в котором угадываются автобиографические черты, соединяются увлечения марксизмом и революционной деятельностью и нотки совершенно декадентские.

Рецензент из «Вестника Европы» в предпоследний год существования этого либерального журнала так писал о романе В. Язвицкого в аль-

манахе «Стремнины»: «Словно какое-то проклятье, нависла с некоторых пор над русской литературой половая проблема, и с теми или иными ее отголосками то и дело встречаемся и поныне. Так и роман В. Язвицкого в своей существенной части проходит под знаком этой именно проблемы, уже на первых страницах мучащей и томящей подпоручика Алмазова. <...> Он испытывает на себе и «власть плоти», и чары беспорочной любви. Он теряется в мучительных загадках и противоречиях жизни <...> приемлет религию социализма, входит в его гущу – в водоворот идей и чувств, которые порождают новые муки, новые сомнения... Перед нами партийная среда, ее разновидности, настроения, споры, увлечения, разочарования, искренние носители мысли, люди идеи и, наряду с ними, отщепенцы-provокаторы» [13, с. 398–399].

Для своего романа В. Язвицкий использовал фактуру и воспоминания из жизни казанской партийной молодежи, к которой сам принадлежал в начале 1900-х гг. Слово «Казань» не звучит в произведении открыто, однако явно угадывается казанский хронотоп романа, узнаваемые местные «локации», учреждения. На страницах произведения В. Язвицкого упоминается газета «Волжский курьер» [10, с. 82], куда главный герой Алмазов посыпает свое стихотворение. Безусловно, это знакомое нам издание, та самая казанская социал-демократическая газета, пришедшая на смену закрытому «Волжскому листку». В романе можно встретить упоминания об известном всем казанцам «Черном озере» [Там же, с. 90], прославленной М. Горьким казанской трущобы «Марусовки» [Там же, с. 101, 105–107], также театра, Державинского сада, улицы Покровской (ныне часть ул. Карла Маркса). Мать героини романа является помещицей Казанской губернии. Так что казанский след в романе В. Язвицкого «Из книги бытия» подтверждается безусловно, как и его автобиографичность. И, видимо, самого В. И. Язвицкого в это время (начало 1900-х) уже терзали различные сомнения по поводу социализма, религии и отношения к половому вопросу.

В этой связи роман В. Язвицкого может рассматриваться и как дополнительный источник (хотя с осторожностью и со всеми оговорками) по изучению настроений казанской марксистской молодежи 1900-х гг., в то же время как пример так называемого «казанского текста» – описания городских локаций, взятых как место действия художественного произведения. Вот лишь два отрывка: первое о саде «Черное озеро», второе – о казанской масленице:

«...когда выпал снег и на „Черном озере“ устроили каток, они каждый вечер катались на коньках. Эти кружения и скользения на зеркальной поверхности при блеске вечерних огней и волнующей музыки скрытого оркестра сильно возбуждали, пьянили воссторгом. Держась за руки, они чувствовали стройную красоту своих молодых тел, которые в ритме катания то прижимались друг к другу, то отдалялись друг от друга...» [Там же, с. 90];

«Весна была ранняя и в конце февраля все таяло, повсюду на дорогах стояли зажоры, снег стал рыхлым и серым. Улицы наполнились звоном бубенчиков татарских троек, впряженных в широкие сани, завешанные коврами. Это приехали «барабузы» из окрестных сел. Город зашумел толпами народа, запестрел всевозможными цветами, справляя масленицу и поедая традиционные блины. <...> самый праздник, такой языческий, разгульный и бесшабашный <...> на площади... стоял шум и гам от балаганов, каруселей, от говора веселой толпы, щелкающей орехи и грызущей подсолнухи. Все это было впитано с детства, срослось с душой и тянуло к себе...» [Там же, с. 179–180].

Мы видим на этих примерах вполне замечательные, художественно выписанные репортажные куски в романе.

Отдельно отметим, что большинство знаменитых русских журналистов Казани прошлых столетий писали о здешней масленице и о существовавшем местном обычаяе, так называемой «езде на татарах» (мы находили такие отрывки в материалах А. И. Артемьева, Н. П. Загоскина, С. М. Шпилевского, М. Я. Киттары, П. В. Знаменского и др.). Саны, покрытые шерстяными коврами, и назывались на местном диалекте «барабусами» или «барабузами», от татарского «барабыз» ‘поедем’!

Барабусы в Казани водились не только на масленицу. Еще в 1920–1930-е гг. их можно было увидеть в нашем городе. Так, известный историк Сергей Пионтковский, заехавший в город своей юности Казань в 1929 г., фиксировал в дневнике: «У вокзала два-три извозчика и прелесть Казани – барабусы» [15].

Главный герой романа В. И. Язвицкого «Из книги бытия» (альтер этого автора) выносит и свои эстетические приговоры:

«Он остановился на том, что считал главным в своей жизни – на своих произведениях. В них он видел манерничанье, погоню за модой, кривлянья, но не жизнь. Он даже радовался, что так мало попало из его писаний в печать.

– Впрочем, сейчас все так пишут, – думал он, – каждая газета, каждый журнал оградили свои редакции колючей проволокой, за которой спокойно восседают «дней новейших тридаковские» и на все лады «колдуют и ворожат». Ему вспомнился дорогой и не-

сравненный Пушкин, который жил в стихах, давай себя, только себя» [10, с. 187].

Итак, основной лозунг, выраженный в этом отрывке – «назад к Пушкину!» от вычурности модерна – к простоте! Возможно, что В. Язвицкий пересматривал в это время и собственные взгляды на искусство, манифестируя также простоту и доступность.

Характерно, что похожий лозунг повторила уже после революции в своей рецензии на сборник В. Ходасевича знаменитая казанская поэтесса 1920-х гг. Вера Николаевна Клюева: «Мы так устали от „космических“ образов пролеткультовцев и имажинистических образов Есенина и Компаний, что возврат к Пушкинской простоте воспринимается нами как великая новизна. Мы рады ей» [16, с. 92]. Это может говорить о том, что тема поворота к Пушкину, к его простоте, была рефлексией не одного юного В. Язвицкого, а какой-то части поэтических кругов старой Казани начала XX в.

1900-е гг. (период Первой революции) время интенсивного складывания и оформления поэтической среды Казани, и, судя по всему, В. Язвицкий был активным участником этих процессов. История казанской поэзии начала XX в. также еще не написана, мы начали сбор материалов по этой теме. В. Язвицкого можно отнести к группе казанских «левых» поэтов, членов социалистических партий (эсеров, эсдеков) периода 1905–1907 гг., это такие авторы, как Петр Драверт, Марк Хмурый, Рабочий Алексей (настоящая фамилия – Смирнов, псевдоним советского времени – Заволжский), Семен Оков и другие.

Для истории казанской поэтической среды начала 1900-х гг. проза Валерия Язвицкого также представляет небезынтересный источник. Уже в 1905 г. ответственный секретарь казанской газеты «Волжский листок» В. И. Язвицкий был арестован. Последней его публикацией в Казани стало переданное в «Волжский листок» из тюрьмы стихотворение, датированное 10 ноября 1905 г.:

«Как ни тяжел этот каменный свод,
Душой он вовек не задавит!
Веры в то солнце, что светит с высот
Он в сердце моем не убавит.

Тщетно оковы из крепких цепей
Мне руки и ноги сковали.
Им никогда не сковать тех идей,
Что тьму и насилие пугали.

Смелым потоком в лицо палачам
Польются бесстрашные речи.

Даже дымящимся кровью мечам
Нет! Не заглушить их на вече!

Тюрьма. 10 ноября 1905 г.» [17].

Стихотворение слабое в поэтическом отношении, но в смысле историческом, казанском, как примета эпохи и штришок к биографии будущего известного писателя – довольно примечательное.

Список источников

1. *Объедков И. В.* Русская военная пропаганда в Болгарии и арест журналиста В. И. Язвицкого в ноябре 1915 года // Вестник Сев. (Аркт.) фед. ун-та. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки», 2015. № 6. С. 22–27.
2. *Серганова В. А.* Валерий Иольевич Язвицкий // Московский журнал. 2007. № 11. С. 43–47.
3. *Муллина Л. Б.* «Волжский листок» в 1905 г. // Сб. науч. работ Гос. музея Татар. АССР, 1960, вып. 1. Из истории местной периодической печати. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. С. 25–63.
4. *Бик-Булатов А. Ш.* Казанская журналистика периода Российской империи: закономерности и особенности развития: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2023. 463 с.
5. *Язвицкий В. И.* Болезнь духа Драма в 5 д. / [Соч.] В. Язвицкого. Казань: В. С. Мартюков, 1904. 75 с.
6. *Серганова В. А.* Валерий Язвицкий. Второй пик славы. URL: <https://ujmos.ru/valeriy-yazvitskiy-vtoroy-pik-slavyi/>. (дата обращения: 17.10.2025.).
7. *Schafer R. M.* Soundscape. The Tuning of the World. Rochester, Vt.: Destiny Books, 1977. 301 р.
8. *Ермолаева Н. В.* Рукописные литературные сборники второй половины XIX века в фондах научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского / сост.: Н. В. Ермолаева. Казань: КГУ, 1988. 61 с.
9. *Валиуллина Р. Р., Еникеев И. А.* Казанский текст русской литературы в творчестве А. Хаирова и Р. Беккина // Казанская наука. 2020. № 8. С. 11–14.
10. *Язвицкий В. И.* Изъ книги бытія // Альманах «Стреминны». М.: Книгоиздательство Л. А. Слонимского. С. 65–244.
11. *Зайнуллина Г. И.* Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадина, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) // Нева. 2019. № 3. С. 208–219.
12. *Габдельганеева Г. Г.* Казанская литературно-художественная печать первого десятилетия XX века // Русская литература в изданиях и переводах: материалы докл. Межрегиональной заоч. науч.-практ. конф. (15 мая – 30 окт. 2015 г.). Казань: КАЗГИК, 2015. С. 125–132.
13. *Королицкий М. С.* Литературное обозрение// Вестник Европы, 1917, кн. 3. С. 398 – 400.
14. *Знаменский П. В.* Нынешняя Казань // Живописная Россия. Т. 8. Ч. 1. СПб. 1901. С. 146–175.

15. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А. Л. Литвина. Казань: Казань, гос. ун-т, 2009. 516 с. URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B500%5D&diaryTypes=%5B1%5D/>. (дата обращения: 17.10.2025.)

16. Клюева В. Н. Владислав Ходасевич. Счастливый домик. 2-я книга стихов. Изд. 2-е // Казанский библиофилик. 1922. № 3. С. 92–93.

17. Язвицкий В. И. Как ни тяжел этот каменный свод // Волжский листок. 1905. № 309. С. 3.

References

1. Ob"edkov, I. V. (2015). *Russkaya voennaya propaganda v Bolgarii i arest zhurnalista V. I. Yazvitskogo v novyembre 1915 goda* [Russian War Propaganda in Bulgaria and the Arrest of Journalist V. I. Yazvitsky in November 1915]. Vestnik Sev. (Arkt.) fed. un-ta. Ser. "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki". No. 6, pp. 22–27. (In Russian)
2. Serganova, V. A. (2007). *Valerii Iol'evich Yazvitskii* [Valery Iolievich Yazvitsky]. Moskovskii zhurnal. No. 11, pp. 43–47. (In Russian)
3. Mullina, L. B. (1960). "Volzhskii listok" v 1905 g. ["Volzhsky Listok" in 1905]. Sb. nauch. rabot Gos. muzeya Tatar. ASSR. Vyp. 1, pp. 25–63. Iz istorii mestnoi periodicheskoi pechati. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
4. Bik-Bulatov, A. Sh. (2023). *Kazanskaya zhurnalistika perioda Rossiiskoi imperii: zakonomernosti i osobennosti razvitiya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Kazan Journalism during the Russian Empire: Patterns and Features of Development: Doctoral Thesis]. Kazan', 463 p. (In Russian)
5. Yazvitskii, V. I. (1904). *Bolez'n dukha Drama v 5 d.* [A Disease of the Spirit. A Drama in 5 Acts]. Soch. V. Yazvitskogo. 75 p. Kazan', V. S. Martyukov. (In Russian)
6. Serganova, V. A. *Valerii Yazvitskii. Vtoroi pik slavy* [Valery Yazvitsky. The Second Peak of Fame]. URL: <https://ujmos.ru/valeriy-yazvitskiy-vtoroy-pik-slavyi/> (accessed: 17.10.2025). (In Russian)
7. Schafer, R. M. (1977). *Soundscape. The Tuning of the World*. 301 p. Rochester, Vt., Destiny Books. (In English)
8. Ermolaeva, N. V. (1988). *Rukopisnye literaturnye sborniki vtoroi poloviny XIX veka v fondakh nauchnoi biblioteki im. N. I. Lobachevskogo* [Handwritten Literary Collections from the Second Half of the 19th Century in the Collections of the N. I. Lobachevsky Scientific Library]. Sost. N. V. Ermolaeva. 61 p. Kazan', KGU. (In Russian)
9. Valiullina, R. R., Enikeev, I. A. (2020). *Kazanskii tekst russkoi literatury v tvorchestve A. Khairova i R. Bekkina* [The Kazan Text of Russian Literature in the Works of A. Khairov and R. Bekkin]. Kazanskaya nauka. No. 8, pp. 11–14. (In Russian)
10. Yazvitskii, V. I. *Iz" knigi bytiya* [From the Book of Genesis]. Al'manakh "Stremniny". Pp. 65–244. Moscow, Knigoizdatel'stvo L. A. Slonimskogo. (In Russian)
11. Zainullina, G. I. (2019). *Programmiruyushchaya moshch' kazanskogo teksta* [Symbolic Realities of Kazan in the Prose of V. Popov, A. Sakhibzadinova, A. Khairova, D. Osokina and R. Bekkin]. Neva. No. 3, pp. 208–219. (In Russian)
12. Gabdel'ganeeva, G. G. (2015). *Kazanskaya literaturno-khudozhestvennaya pechat' pervogo desyatilieta XX veka* [Kazan Literary and Artistic Press of the First Decade of the Twentieth Century]. Russkaya literatura v izdaniyakh i perevodakh: materialy dokl. Mezhdunarod'noi zaoch. nauch.-prakt. konf. (15 maya – 30 okt. 2015 g.), pp. 125–132. Kazan', KAZGIK. (In Russian)
13. Korolitskii, M. S. (1917). *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. Vestnik Evropykn. No. 3, pp. 398 – 400. (In Russian)
14. Znamenskii, P. V. (1901). *Nyneshnyaya Kazan'* [Present-day Kazan]. Zhivopisnaya Rossiya. T. 8. Ch. 1, pp. 146–175. St. Petersburg. (In Russian)
15. *Dnevnik istorika S. A. Piontkovskogo (1927–1934)* (2009) [The Historian S. Piontkovsky's Diary (1927–1934)]. Otv. red. i vstup, stat'ya A. L. Litvina. Kazan', Kazan, gos. un-t. 516 p. URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B500%5D&diaryTypes=%5B1%5D/> (accessed: 17.10.2025). (In Russian)
16. Klyueva, V. N. (1922). *Vladislav Khodasevich. Schastlivyi domik* [Vladislav Khodasevich. The Happy House]. 2-ya kniga stikhov. Izd. 2-e. Kazanskii bibliofil. No. 3, pp. 92–93. (In Russian)
17. Yazvitskii, V. I. (1905). *Kak ni tyazhel ehtot kamennyi svod* [No Matter How Heavy This Stone Vault Is]. Volzhskii listok. No. 309, p. 3. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2025
Поступила в редакцию 15.11.2025

Бик-Булатов Айрат Шамилевич,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aiaibikbik@mail.ru

Bik-Bulatov Airat Shamilevich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aiaibikbik@mail.ru